

Живет в Москве (Россия). Визитная карточка участника. Отборочный тур "Кубка Мира - 2013".

* * *

В краю ручьёв и птичьих увертюр,
хлебнув дубрав столетнего "Мартеля"
и распрощавшись с майским Haute Couture,
шагну в июньское pret-a-porter я.

Там — в далях — левитановский покой.
Равнины там — пологи по-толстовски.
Там песен тех, что пели мы с тобой,
развеяны по небу отголоски.

Там дымных пашен стелется каскад
лоскутьями черствеющей шагрени.
Там выплакан до синевы закат
дождями в придорожные сирени.

Изгнав весну — тревожную, как сон,
там рощи ностальгическое "Grave"
зелёными подушечками крон
на струнах арфы солнечной играют.

Там ворох дней — безвременья чадра.
Там вечера — потухшими кострами.
Там ночь, из-под вороньего крыла,

на полземли раскинулась меж нами!..

Там память, бесконечною тропой,
чуть свет блудит в заброшенных долинах.
Там, тихим утром, принесёт судьбой
весть о тебе — на крыльях голубиных.

* * *

□□□ посв. И.М.

Я бы хотел вернуться в палестины детства
октябрьским вечером, когда осиротел
колёсный гул в тиши скучающих предместий,
и веки сумерек, стыдясь за новодел
последней четверти ушедшего столетья,
смыкались бы вокруг моих усталых глаз,
стирая с них остатки памяти о лете...
Я бы хотел — под залихватский перепляс
листвы — сойти легко с плацкартного вагона,
вдыхая ночь и, одурев от пестроты,
стремглав нестись по бесконечности перрона,
по переходам, лужам, мареву толпы —
в Эдем нетронутого Временем вокзала,
который что-то равнодушно говорил —
и тень надежды с каждым звуком угасала...
без сил добраться до спасительных перил,
и — дальше — вниз, не разбирая направлений
и вех, — под парусом планиды кочевой,
по волнам мраморных выдавших всё ступеней,
на миг сроднясь с обетованною землёй...
увидеть праздничный и незнакомый город,
и, обескрылив, словно греческий Икар,
я бы хотел, закутавшись в пальтовый ворот,
не задаваясь плотскими: "зачем?" и "как?",
по этим улицам неведомым тащиться
(остались прежними лишь сумерки и грязь),
читая вывески, разглядывая лица,
поймать такси и адрес свой назвать, дивясь,
как в его музыке преобразился голос...
смотреть в окно, играть монетами в горсти
и странствовать, не приближаясь ни на волос,
к границам призрачным далёких палестин...

* * *

Затосковав от смога и забот заплочных,
пал смертью будничною августовский вечер —
пора для циников и чувственных натур;
и ночь зажгла над головами абжур,
где лампочка—луна светила вполнакала,
сестре подмигивая в зеркале канала,
где жук-троллейбус еле полз на холм моста,
и скрипка плакала Прокофьева с листа
в окне оранжевом под черепичной крышей,
светлей казавшейся от этого и выше;
и липы, выстроившиеся вдоль реки,
дрожали спинами, как в кашле — старики,
под вздохи шалые скучающего ветра,
что оживлял сошедшее с альбомов ретро:
пейзажи улиц серых, растры площадей,
штрихи не съеденные сумраком людей,
граниты набережной, стены, тень асфальта,
реминисценции весны сырой в Фиальте,
тоску по маминым глазам и бланманже
с кокосами; давно забытые уже
прикосновенья, взгляды, путанные речи
и мысли душные о том, что мы не вечны
на этом свете... впрочем, и на всех других, —
расходимся, как на речной воде круги,
к чужим, но страшно близким, берегам забвенья,
где "завтра" — в отпуске навек, а "воскресенье" —
название милое для выходного дня...
И вязкий воздух жадно лёгкими обняв,
в попытке вытравить прочтённые страницы
из клеток памяти, и, притворившись птицей, —
хотелось в кущи занебесных "empyrees"*
вспорхнуть сквозь ночь, сквозь сонмы млечных фонарей, —
туда, где нет ещё ни Времени, ни Места,
где Вечный Повар лишь замешивает тесто,
и в пряхках Мойр закружится веретено;
где нам случиться чьей—то милостью дано...

* *empyrees* [apir'e] — материй (фр.)